

Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

АРИФМЕТИКА ЧЕТВЕРТОВАНИЯ

Берём одно яблоко. Делим его на два.
Нет, вы на диете; значит – на все четыре
стороны. Размусоливаем по квартире
свежевыжженные яблочные слова.

Можно добавить текста – покорчиться на полу,
представив не пол, а, скажем, асфальт на Манежной.
Дано: четыре угла. В каждом углу – по надежде.
Сколько надежд убито в каждом таком углу?

Берём один век. Век делится без остатка.
Дольки ровны и хрустки, цифры беспечно быстры,
но, как пела некогда группа «Контрольный выстрел»:
«Он должен успеть». До ближайшего полустанка

есть ещё две сигареты и более, чем глаза.
Ответы должны быть в конце учебника, но это простой пример.
МонаЛизово улыбайся: люди любят улыбчивых полумер.
Привычку идти домой, а прийти на пустой вокзал,

забывать на скамьях блокноты, падать в московский снег,
влюбляться в глаза в метро, занашивать кеды вдребезги
оставляй в наследство себе архивному, безболезному,
кто ещё помнит панический за-автобусный бег,

кому ещё рано вести отсчёт потерянных городов.
Кто в вагоне, слившись лопатками с надписью «не прислоняться»,
отталкиваясь подошвами от злого земного глянца,
повторяет под нос: «Он должен успеть... он до...»

Берём одну жизнь. Не делим – сама развалится.
Вычёркиваем имена, выбрасываем сбережения,
пусть всё, что есть, – дорога, не знающая возвращений,
да улыбка, вживлённая в бледный овал лица.

Дано: одно яблоко, ощущающееся стальными
иглами в двух дециметрах над дырочками ремня.
Если двадцать пять лет в формате вселенной – спичка в кострище дня,
пусть она полыхает ярче эдисоновской Полыни.

Я беру одну музыку. Доли сплошь четвертные.
Пульс гремит римшотом, запястье сквозь сон дробя.

Итого: моя долька доедена без меня.
Но, может быть, мне достанутся остальные?..

Слова со вкусом сигарет вдыхаются одним аккордом. Тристан не встретился с Изольдой, Гертруда кутается в плед – Минздрав не поощряет яд. Моей вселенной нет на карте, но некто, как и я, азартен – он ищет небо наугад. Прищурился глаз, моя весна за ним с улыбкой наблюдает. А мне что делать – я не знаю, я собираю голоса в колоду музыкальных снов. Приветствую тебя, мой странник. Бросаю кости – вижу грани моих расшатанных основ.

Душа роняет из кармана куски непризнанных стихов.

Иду по ним, как по стеклу, по гретелевских крох стигматам, до пряничного невозврата из обгоревшего «люблю», и ветер рвёт прозрачный ток протяжностью в один эпитет. Смотри же, мой отважный зритель, как я стреляю между строк, не целясь, в сумрачный партер, по горло погружённый в осень. Закат давно темнеет в восемь, и в этом паззле полумер я – тот бродяга между сосен, плацкарт, поющий подколёсьем.

Я – чёртов коллекционер.

На стеллаже стеклянных дней, тряпичных слов и карандашных набросков «здесь», «одна», «однажды», есть полки, прочих тяжелей. На них гнездится полк бумажных, кричащих типографской сажеей, пахучих прошлым и гуашью, мной недописанных людей. В одних я не вмещусь, хоть вой. Другие велики некстати. А третьих ждёт другой издатель - или, как минимум, запой...

Но выбран наугад герой, не пропечатанный в заглавьи, не совершивший подвиг, равный удачно вставшей запятой.

«Был дубль! Отснято!» Перерыв.

Приветствую тебя, мой странный. За предрассветной мутной сталью наш вальс рифмуется в надрыв. Я слышу твой гитарный бой. В который раз тебя листая, я вижу, как, недокасаясь, бредёшь ты – безымянный странник,

недопридуманый не мной.

«УКРАИНИАДА»

(Евромайдану посвящается)

Шутов хоронят за оградой
под металлический набат.
Сооружайте баррикады –
куда ж в войну без баррикад?

Рядите города в блокады,
сжигайте шины – пусть горят.
Идёт реакция распада.
Историк! Не пером – гранатой
создастся «Украиниادا»,
альтернативный вариант.

Свой фетр бросая грациозно
(срывая с головы дуршлаг),
вкушай кровавый хмель на розлив,
о рыцарь деревянных шпаг.

Страна больна сальмонеллёзом
и дышит в маску, кое-как.
Покуда бьёмся лбами оземь,
танцуя регги на морозе,
по трону задницей елозит
запатентованный дурак.

Война сегодня – добрый повод
для тех, кто мелочен и слаб,
пустить по будням мощный залп
и вспомнить: «Я так зверски молод!

Во мне есть силы и азарт
бросаться камнем или словом
в подорванный кордон столовой,
дабы хлебнуть халявный чай
и сделать фото невзначай,

что разлетится по просторам
с комментами – вот жжот фотограф! –
или на кухне, под «молдову»,
твердить: я был там! Я солдат!»
На пепелище потасовок
солдаты нынче нарасхват...

А помнишь милое безделье,
слоняющееся в метро?
Как в искрах пятничных костров
сжигали смуту понеделья,

и пах предчувствием апреля
нам каждый камешек дорог?..
В пыли гитары менестрелей.
А менестрели, взяв шинели,
идут под музыку шрапнели –
идут на смерть, сбиваясь с ног...

Боец распродает награды.
Богач бросается с моста.
Ребята мрут за клоунаду –
достойная, видать, мечта.

Сооружайте баррикады!
Не канет в Лету красота –
преграда порастёт балладой
о мире, где под гимн и ладан
шутов хоронят за оградой,
построенной рукой шута.

ГИМН НЕЧАЯННОМУ ОПТИМИЗМУ

В окна шагают долговязые солнца,
чтобы первыми до лица дотронуться,
сцапать сон и накапать света в колодцы глаз.

Я пожму паутину их жёлтых пальцев
и внезапно узнаю, что мне – шестнадцать,
и ещё сто пятнадцать месяцев до сейчас.

И все витринные отражения неудержимо молоды,
и каждый хрустящий лист под ногами – золото,
ноги неторопливо листают каждый такой листок,
и до финала этого томного тома города
столько ещё четвергов, переодетых субботами,
а небу, наверное, кажется – весь город в один глоток

выпить бы, сладкий воздух бесстыдно нюхая,
разукрасить асфальт солнечными оплеухами,
посекундно творя картины на месте черновика.
Позволяю себе обратиться ко всем, кто слушает,
кто может смотреть на стену, а видеть грушевый,
беспричинно праздничный, как вино, закат:

ты вот, именно ты – угрюмый, разутый сонностью,
бери вдохновение, скорей выбегай из дома с ним,
выбегай в пространство уличного измерения.
Как можно жалеть о несчастной влюблённости,
если сквозь неё – приглядишься ты, опомнишься ты! –
прорастает хорошее стихотворение?

И можно споткнуться о камень, что коварно подкрался сзади
и бросился прямо под ноги; выругаться, с досадой
дуя на оцарапанные когтями земли ладони.
А можно представить, что здесь был дом, и была ограда,
и к дому прилип балкон, укутанный виноградом –
слышишь, а вот и песня о добром зелёном балконе!

Или вон – первый троллейбус тащится: проводов букет,

пузо набито людьми в предрассветном обмороке,
он зевает – и люди выходят. Конец пути.

А вдруг ему снится, что он – самолёт, и сияющ, и лёгок он,
облака отражаются в луже – и лужа становится облаком?
Помашем ему рукой – лети, дорогой, лети!

Дневную норму несчастий мы уже выбрали.
Выброшу руки из раскрытого рта квартирному,
небо выплюнет в них прохладный компот дождя.

Сто пятнадцать жизней. Мне их уже не вымарать.
Но, если вдуматься – большего счастья в мире нет,
чем просто идти вперёд и каждого поворота,
как чуда,
ждать.